

ЗНАКОМЬТЕСЬ — ТИГР!

Предисловие автора

Я бы с радостью предал эту книгу забвению: я написал ее, когда мне был примерно двадцать один год, то есть более пятидесяти лет назад. Не хочется демонстрировать ошибки юности. Сейчас, глядя на книгу объективно, я вижу в ней столько недочетов, что удивляюсь, как ее вообще издали. В качестве извинения могу сказать, что это моя третья книга, и предыдущие две были еще хуже.

Так или иначе я не могу отказаться от авторства: существование этой книги — свершившийся факт, и те, кто заинтересован в предыстории Саймона Темплара и в моих юношеских начинаниях, имеют полное право постичь ужасную правду.

«Юношеский», разумеется, не относится к Саймону. Здравомыслящий читатель не заинтересуется бесшабашным героем моего возраста, я сделал Саймона двадцатипятилетним, дав ему фору по сравнению с собственным возрастом, и теперь мне это всегда будет мешать. Ведь не в пример сложнее вписать в современный антураж Саймона Темплара, который старше меня на целых четыре года. Впрочем, фигурально выражаясь, это уже «дела давно минувших

дней». Раз уж книги о Святом вообще появились, то, разумеется, должна быть и первая книга, и она перед вами.

Я считаю, что написать их стоило. Современная художественная литература больше, чем когда-либо, нуждается в таком герое, как Святой.

Слишком долго в этой сфере преобладают «анти-герои»: зловещие, мрачные, в пасмурной субкультуре, где глобальные вопросы решаются с бесстрастным прагматизмом, а незадачливыми марионетками управляют безжалостные, целеустремленные младшие братья Большого Брата. Это придавало сюжету болезненное очарование, однако не приносило эмоционального удовлетворения читателю, пока не появились перенасыщенные техническими приспособлениями фееричные похождения агента 007.

Я всегда считал, что в эскапистской литературе найдется место для неутомимого авантюриста, о котором я мечтал в юности: он искренне верит в старомодные романтические идеалы и готов на все, чтобы воплотить их в жизнь. Бьющую через край жизнерадостность героя не удовлетворит игрой в пинбол или покер. Мною владело безумное, по мнению некоторых, желание показать, что встречаются и более нелепые персонажи, чем Дон Кихот.

Даже сейчас, полвека спустя, когда я достаточно повзрослел и поумнел, я все еще придерживаюсь мнения, что у старомодного героя с четким пониманием справедливости, вдумчивым подходом к любви и возможностью получать удовольствие от собственных походов всегда найдется читатель.

Вот так и родился Святой. Надеюсь, он займет свое место рядом с Робин Гудом, д'Артаньяном и остальными бессмертными героями легенд.

По крайней мере, попытка его создать принесла мне немалое удовольствие.

*Лесли Чартерис
Сен-Жан-Кап-Ферра, Франция
21 марта 1980 г.*

Глава 1

БУНКЕР

Бейкомб — деревушка на побережье Северного Девона, настолько далекая от цивилизации, что даже в разгар летних отпусков не привлекает потока художавых и пухлых, высоких и низких пап, мам и детишек. Это в некоторой степени служило извинением для мужчины, который приобрел здесь жилье и вел довольно размеренный образ жизни — пусть и жил он здесь всего три дня.

Едва Саймон Темплар обосновался в Бейкомбе, как мирное, степенное течение жизни этой деревушки радикально изменилось. Произошедшие события потрясли и ужаснули мирных, степенных жителей. Однако поначалу Саймон Темплар считал Бейкомб унылым и скучным — каковым он и был последние шесть веков.

Саймон Темплар — довольно известная (чаще по прозвищу Святой) в некоторых кругах персона — был высоким загорелым голубоглазым брюнетом двадцати семи лет с умным лицом. Описание весьма приблизительное; вскоре Бейкомбу предстояло узнать Саймона ближе и сложить о нем мистические легенды. Саймон дал для этого повод уже в первые дни после прибытия.

Дом, в котором он жил — а это строение вполне можно было удостоить звания дома, поскольку группа разнорабочих из близлежащего Илфракомба трудилась не покладая рук целых тридцать шесть часов, чтобы сделать его пригодным для обитания, — построили во время войны и использовали в качестве пункта береговой обороны. В то время Военное министерство тревожили слухи о вероятных вторжениях в самых разных частях Англии. Видимо, в министерстве сочли, что вражеские стратеги считают Бейкомб последним местом, в котором англичане будут ожидать высадки десанта, и решили возвести нечто наподобие бункера¹ на скалистой вершине холма рядом с деревушкой. Строение, которое местные с тех пор прозвали Бункер, успешно возвели и даже разместили в нем небольшой гарнизон. Однако Военное министерство явно оказалось умнее немецких тактиков, поскольку в Бейкомбе вражеский десант так и не высадился. В 1918 году гарнизон и орудия из Бункера убрали, оставив миниатюрную бетонную крепость на растерзание местной ребятне. И Саймон Темплар, который выяснил по каким-то своим каналам, что Бункер и окрестные земли до сих пор принадлежат Военному министерству, неким чудом убедил продать их ему за двадцать пять фунтов стерлингов.

В этом своеобразном доме и поселился Святой вместе со слугой по имени Орас. За три дня унылое течение жизни Бейкомба настолько приелось покупателю Бункера, что он откровенно заскучал.

¹ Бункер — малое капитальное фортификационное сооружение, предназначенное для долговременной обороны. (*Здесь и далее прим. пер.*)

На третий день в девять утра — Саймон питал глубокую неприязнь к раннему пробуждению — Орас вошел в спальню хозяина с чашкой чая и кружкой горячей воды.

— Доброе утро, сэр, — произнес он, оставил в комнате чай и воду и удалился.

Орас неизменно называл утро добрым последние восемь лет, и никакая погода не могла повлиять на его милую привычку.

Саймон зевнул, потянулся подобно кошке и, прищурившись, посмотрел на солнечные лучи, льющиеся сквозь исполнявшую роль окна амбразуру. Оптимизм Ораса оказался оправданным, и Саймон после секундного колебания со вздохом выбрался из постели. Торопливо побрился, попутно потягивая чай. Натянул купальный костюм и, прихватив скакалку, вышел из дома. Пятнадцать минут он энергично прыгал на траве, пять минут боксировал с собственной тенью. Затем, повесив на шею полотенце, добежал до края скалы и хладнокровно свесился с обрыва. Под ним лежала пропасть в сто пятьдесят футов глубиной, но в скале хватало углублений, и Саймон спустился на пляж непринужденно, как по лестнице. Легкий бриз гнал по воде рябь. Саймон бодро проплыл четверть мили и на спине вальяжно погреб к берегу. Солнце припекало, и Саймон лег на песок в полосе прибоя, наслаждаясь теплом.

То же самое он проделывал вчера и позавчера, и теперь лениво размышлял об убийственной силе привычки. И вдруг случилось нечто, показавшее Саймону, что привычки могут быть более убийственными, чем он предполагал.

Фьють!

Что-то просвистело мимо уха, и галька, которую Саймон отрешенно разглядывал, отскочила в сторону, а предмет, ее разбросавший, улетел куда-то в море.

— Не повезло тебе, парень. Промахнулся на пару дюймов, — пробормотал Саймон и вскочил на ноги прежде, чем до него донеслось эхо выстрела.

Быстро прикинув траекторию полета пули, он понял, что стреляли откуда-то со скалы между Бункером и деревней. Однако стрелка он не увидел. Мгновением позже на краю скалы появился Орас и взволнованно окликнул хозяина. Тот помахал ему полотенцем и, подойдя к скале, принялся без видимых усилий карабкаться наверх, ничуть не беспокоясь, что снайпер может выстрелить снова. Вскоре Саймон уже стоял наверху и, уперев руки в бока, заинтересованно разглядывал место, расположенное ниже по склону, с которого в него стреляли. Там, на расстоянии в четверть мили, густели заросли кустов. За ними вилась проселочная дорога в деревню. Пожав плечами, Саймон повернулся к негодующему Орасу.

— Тигр знает свое дело, — с ноткой восхищения заметил он.

— Молокосос! Сопляк! — вспыхнул Орас. — О чем вы только думали? Надеюсь, это послужит вам уроком!.. Вы не ранены, сэр? — наконец проявил он сочувствие.

— Нет. Но пуля пролетела совсем рядом.

Орас всплеснул руками.

— Жаль, что он промахнулся! В следующий раз вы не были бы столь беспечны! Не промажь он, я бы его даже поблагодарил! Ну, попадись мне только эта свинья в руки! — нелогично закончил Орас и, прихрамывая, пошел к Бункеру.

В войну Орас, будучи сержантом морской пехоты, под Зебрюгге получил немецкую пулю в правое бедро и с тех пор хромот.

— Завтрак через полминуты, — бросил он через плечо.

Насвистывая какой-то мотив, Саймон неспешно пошел за слугой.

Ровно через полминуты — Саймон как раз успел усесться в кресло — в гостиную вошел Орас с подносом. Он окинул взглядом безукоризненно причесанные волосы хозяина, нарядную (в понимании Саймона) одежду — белоснежную шелковую тенниску, серые фланелевые брюки, носки, туфли — и фыркнул.

Саймон с улыбкой поднял крышку с блюда, на котором обнаружилась яичница с беконом.

— Похоже, вскоре здесь что-то разыграется.

Орас хмыкнул.

— Вот тебе и «хм». Оркестр на месте, за сценой готовятся к выходу, дирижер взъерошил волосы, вторые скрипки уходят со своих мест, сторож дует в свисток, капитан командует «полный вперед!», а...

— А кофий остывает.

Саймон намазал маслом треугольник тоста.

— До чего же ты бесчувственный, Орас! Что ж, если мои метафоры не произвели на тебя впечатления, выскажись проще: пора.

Орас согласно кивнул и вернулся на импровизированную кухню.

Позавтракав, Саймон сел в кресло, из которого открывался прекрасный вид на скалу и море внизу. Бегло пролистав вчерашнюю газету (в Бейкомб почта доходила на сутки позже), он неспешно закурил. Наконец встал, накинул поношенный твидовый пиджак, взял

тяжелую трость и подошел к зашторенному проему входной двери.

— Орас!

— Сэр? — Слуга возник на пороге кухни.

— Я собираюсь прогуляться. Вернусь к обеду.

— Да-да, сэр... Сэр! — Орас достал из-под фартука пугающего вида револьвер довоенного производства, любовно погладил его и протянул хозяину. — На вид ничего особенного, и не сказать, чтобы стрелял прицельно, зато им можно проделать в ком-нибудь такую дыру, какая не снилась нынешним пукалкам.

— Спасибо, но он слишком громкий. Предпочитаю «Анну».

Орас опять хмыкнул. Этим коротким звуком он мог передать любой оттенок чувств, и Саймон даже не усомнился в том, что сейчас слуга выражает порицание.

Саймон извлек из наплечной кобуры нож с рукоятью из слоновой кости, покрытой узорной резьбой. Слегка загнутое узкое лезвие около шести дюймов в длину было наточено очень остро — хоть брейся. Идеально сбалансированный, нож казался живым продолжением руки. Бросок — и он серебристой молнией взмыл ввысь. Саймон ловко поймал его за рукоять и мгновенно убрал в ножны. Нож будто растаял в руках.

— Не оскорбляй «Анну». — Саймон назидательно поднял указательный палец. — Она оттяпает противнику кисть, прежде чем тот успеет вытащить пистолет.

Оставив Ораса в пессимистическом раздражении, Святой пошел в деревню.

Стояли теплые дни раннего лета — а именно летом выбор Бункера в качестве дома был хоть как-то обоснован; о другой причине столь странного выбора мы скажем позже. Саймон спускался к деревне, посвистывая